

Римма Вульфовна Гуревич

Смоленский государственный университет, Смоленск

**ХУДОЖНИК И ВРЕМЯ: ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО ГЕРМАНА КАНТА,
«ПОЛИТИЧЕСКОГО ЧЕЛОВЕКА» И ПОЛИТИЧЕСКОГО ПИСАТЕЛЯ**

Аннотация. В статье обсуждаются проблемы становления личности немецкого писателя Германа Канта, основанные на материале книги И. Гучке «Главное дело всей жизни и все остальное» (*Die Sache und die Sachen*, 2007). Эта книга – продукт двух жанров: мемориальной прозы и публицистики (интервью). Особое внимание уделяется формированию «политического ядра» личности писателя на основных этапах его жизни: детство (семья, школа, книги) и юность (война, плен). Раскрывается значение плена для формирования «политического человека» Г. Канта. Статья анализирует наиболее важные факторы, формирующие его политическую личность: журналистская и партийная работа; его деятельность на посту президента Союза писателей ГДР. Подчеркивается, что журналистика и политическая работа были для Канта источником живой связи с людьми и материалом для его будущих литературных произведений. Его кредо как политической личности состояла в противостоянии хаосу, который, по его мнению, был результатом деятельности идеологических противников. Формируется линия его общественного и политического поведения. Он рассматривает себя непосредственным участником всех важнейших (в том числе и негативных) событий в жизни республики: забастовка и протесты берлинских рабочих (июль 1953); политические процессы в республике (1956); строительство Берлинской стены (1961). Его собственная линия политического поведения характеризуется, с одной стороны, критическим отношением к общей негативной динамике общественного развития в республике и политическому руководству; с другой стороны – отрицанием любой антипартийной деятельности. В Союзе писателей ГДР получили дальнейшее развитие основные черты политической личности Канта: целеустремленность, умение использовать любую ситуацию, способность устанавливать контакты на разных уровнях. Главным делом Канта было сохранение Союза писателей как сравнительно свободной (применительно к конкретным условиям ГДР) ассоциации художников. Он должен был лавировать между партийным руководством и свободными художниками. Показано, как его попытка спасти Союз оказалась неэффективной: Кант утратил доверие как партийного руководства, ни писателей. После объединения Германии он стал главной мишенью несправедливых обвинений.

Ключевые слова: мемуарная проза; публицистика (интервью); литературная автобиография; детство; семья; школа; книги; война; плен; «политический человек»; постмодернизм; симулякр; президент; Союз писателей ГДР; объединение Германии.

Abstract. *The article discussed the formation of personality of the German writer Hermann Kant (1926–2016), based of the book of Irmtraud Gutschke “Die Sache und die Sachen” (Business life and the rest, 2007). Special attention is paid to main stages of his life: childhood (family, school, books) and juvenility (war, captivity); will be opened that the life in the captivity in Poland revealed the political potential of his personality. The article analyzes the important factors shaping his political personality: journalistic and party work; his activities as president of the Writers Union of GDR. The article emphasizes that the journalistic and political work was for him a source of lively communication and give material for future productions. His credo as a political personality was the opposition to the chaos as the result of the activities of ideological opponents. It shows how it’s social and political behavior is shaped. H. Kant considers himself as a direct participant in all important events in the life of republic, including a negative one: strike and antigovernment demonstration of the workers in Berlin (1953), the political processes (1956); construction of the Berlin Wall. Its own line of political behavior is characterized on the one hand by a critical attitude to the overall negative dynamics of social development in the republic; on the other – by denying any anti-party activities. In the Writers Union the political personality of Kant (purposefulness, will, ability to use the right situation, diligence, ability to establish context at any level) were further developed. The main business of Kant was to preserve the Writes Union as relatively free association of artists of the word. He had to maneuver between the party leadership and the free artists. It’s shown why his attempts to save the Union proved to be ineffective. After unification of Germany, he became a target of unlawful accusations.*

Keywords: *memorial prose, journalism (interview); autobiography; childhood; family; school; juvenility; war; captivity; political person; president; unification of Germany; the writer’s union; persecution for political and ideological motives.*

В художественном процессе традиционно выделяются три основных аспекта: жизненный, внутрилитературный и личностный (индивидуальный). В рамках нашей статьи мы рассмотрим оппозицию между жизненным материалом, влияющим на художника, и его индивидуальностью, включающую социальную и психическую природу самого художника, характеризующую неповторимость его дарования. Тема данного исследования – художник и время, талант и та эпоха, в которой он живет и творит. Предметом исследования является личность и творческая деятельность выдающегося писателя Германа Канта (1926–2016).

В литературе ГДР нет другой фигуры, вызывающей до сих пор не утихающие споры, как Герман Кант. Как показали почти три десятилетия, прошедшие после исчезновения ГДР, литературное и художественное значение его творчества не кануло в прошлое, как предрекали его хулители [1, S. 9–53]. Он был и остается одним из самых ярких рассказчиков в немецкой литературе второй половины XX века, без его романов «Актный зал» (*Die Aula*, 1965), «Остановка в пути» (*Der Ausbehalt*, 1977) трудно представить вообще немецкую литературу этого периода. Эпические произведения, привязанные, как казалось, к вполне конкретной стране и определенному отрезку истории, со временем стали восприниматься как поэтические параболы поиска новой жизни, более совершенного развития человека.

Однако дискуссии вокруг личности писателя продолжаются. Ему не прощают его последовательной политической и идеологической позиции защитника ГДР. С первых дней ее основания и до конца [3.10.1990] он был, как он называл себя, ее пропагандистом; занимал ответственные посты, как в Союзе писателей, так и в руководстве страны. Он служил идеалам социализма до своей смерти, ни на шаг не отступая от своих позиций. Его не сломили ни ожесточенные нападки противников всех мастей, ни обвинения в сотрудничестве с органами государственной безопасности. Критика шла путем навешивания ярлыков, бравшихся из уже имевшихся источников: «политический и языковой жонглер», «литературный и политический ловкач» [2, с. 4; 5; 8].

Кант не сдавался – после так называемого «поворота» он создал пять больших романов, получивших широкий резонанс; участвовал в дискуссиях, выиграл два судебных процесса. Могучий политический темперамент, несгибаемый волевой характер, боевые публицистические возможности Канта-полемиста и Канта-критика новой ситуации показали его не просто как личность очень крупного калибра. Эти качества раскрыли его сущность, то, что он называл сам в себе «политическим человеком». Вот как он говорит о себе: «Я не был политизирующим литератором, я был политическим человеком, который из этого корня развился в писателя» [3, S. 197]. Это определяло его склонности и интересы, объясняло поведение в тех или иных ситуациях. Другим важны были их личные интересы и побуждения, но «я всегда смотрел на вещи с политической точки зрения» [3, S. 131], был «политическим человеком, а из этого вытекало все остальное» [3, S. 222].

Материалом исследования стала книга Ирмтраут Гучке «Герман Кант. Дело всей жизни и остальное» (*Hermann Kant. Die Sache und die Sachen*. В., 2007). Эта книга – результат слияния двух жанров – мемуариальной прозы и публицистики (интервью). Предметом мемуаристики является, как известно, документально-историческое повествование, приближающееся по форме изложения к автобиографии. Интервью, в свою очередь, концентрирует внимание на актуальных вопросах, представляющих общественный интерес; беседа в виде вопросов и ответов с лицом, пользующимся известным авторитетом. Мемуары основаны на работе

особого вида памяти, работающим ретроспективно, по «я-схеме». Подобная автобиографическая память представляет «субъективное отражение пройденного человеком отрезка жизненного пути, состоящее в фиксировании, интерпретации и актуализации автобиографически значимых событий и состояний, определяющих идентичность личности как уникального тождественного самому себе психологического субъекта» [4, с. 19]. В мемуаристике в собственном смысле слова – в отличие от литературной биографии – личность рассказчика, повествующего о событиях собственной жизни, в наибольшей степени сближаются с героем (субъектом) повествования [5, с. 10]. Таким образом, можно утверждать, что форма «я» объединяет в таком тексте личность автора, субъекта и объекта (рассказа о самом себе). Это имеет принципиальное значение для исследования о становлении «политического человека» Канта.

Интервью выполняет функцию, связанную с особенностями личности Канта-писателя, с его художественным стилем.

Знаменитый кантовский стиль, предмет восхищения знатоков литературы, – бесконечная игра слов, причудливая вязь предложений, ирония и самоирония – зачастую сбивают с толку читателя, настроенного на получение однозначной информации. В этом смысле вопросы журналиста, концентрирующие внимание на важнейших автобиографических концептах (соседи, детство, школа, книги, юность, война, плен), образуют твердый каркас, поддерживающий композицию мемуарного текста. Кроме того, интервью позволяет «выловить» наиболее точную оценку, так сказать, «текущей позиции» писателя, живой портрет Канта «здесь и сейчас». С одной стороны, перед читателем возникает личность с твердым, холодным, блестящим «шахматным» складом ума, убежденный, последовательный марксист, разрезающий подобно алмазу стекло, новоявленные либеральные идеи и теории носителей современной поп-культурной версии истории. С другой стороны, на вопросы отвечает остроумный, красноречивый, невероятно аттрактивный собеседник, завораживающий даже тех, кто испытывает к нему и его позиции скептическое недоумение.

Он родом из Гамбурга и на всю жизнь сохранил любовь к этому городу. Гамбург присутствует во многих произведениях писателя как фон, своеобразный «гений места» (*genius loci*). Гамбург для Канта – то же, что Кельн для Г. Белля, Данциг для Г. Грасса.

Г. Кант родился не просто в Гамбурге, а в Лурупе, той части города, где жил социально малообеспеченный пролетарский люд. Поэтому диалектика социальных отношений открывалась ему самым естественным путем: в Лурупе называли тех, кто жил в других районах Гамбурга, например, в Бланкенезе, «господами»: «эти» были не как «наш брат», а совсем другой сорт людей [3, S. 10]. Семья занимала нижнюю ступень на социальной лестнице. Отец, Пауль Кант, годами

работавший городским садовником, в 1933 году с приходом нацистов к власти потерял свою должность: он единственный в садоводстве вступился за своего друга коммуниста, сделав это не по политическим соображениям – он был беспартийным – а по-дружески. За нелояльность к новым властям его перевели на уборку мусора, а затем он стал подметать улицы.

Ощущение принадлежности к социально обойденным укрепила школа. Хотя он очень хорошо учился, был способным и сообразительным, дорога к полноценному образованию была для него заказана. Конечно, родители хотели, чтобы их сын добился чего-то в жизни, стал, к примеру, печатником, но даже учеба в средней школе в Пархиме – в 1944 году семья переехала туда к деду – не задалась. Дело в том, что в гамбургской народной школе не было ряда изучавшихся в средней школе предметов (английский, французский, алгебра). Однако главное заключалось в другом – в атмосфере учебного заведения, где учились дети молочников, мясников, мебельщиков. Тут у него не могло быть друзей, он был чужаком. Так он и его родные оставили планы на более престижное жизнеустройство, и он пошел в ученье к электрику, мастеру, научившего его ремеслу. О нем он всегда вспоминал добрым словом.

Как и требовал «новый порядок», он был членом детской нацистской организации, а затем и молодежной, – гитлерюгенд. Однако пребывание в них, особенно членство в последней, было чисто формальным; милитаризованный авторитарный стиль не пробуждал в нем честолюбивого желания отличиться и сделать карьеру молодого «фюрера». Напротив, его отталкивали жестокость, требование беспрекословного повиновения.

Гораздо более мощное воздействие на душу пытливого и чуткого подростка, проводившего все свое свободное время за чтением, оказывали книги. Кант называет себя «неистовым читателем»; его не удовлетворяла книжная «квота», установленная в Лурупе, а позднее в Пархиме, и он просил обеих сестер брать книги для него. Он с благодарностью вспоминает о двух учительницах-библиотекарях, удерживавших его от чтения откровенно нацистской литературы. Однако невозможно было поставить дамбу на пути всего широкого потока националистической и шовинистической литературы конца XIX – первых десятилетий XX века, той «мягкой силы» влияния на самые широкие слои грамотного населения, в первую очередь подросткового и юношеского возраста. Это были книги мастеровитых, не лишенных дарования писателей (Е. Е. Двингер, П. Гримм, В. Боймельбург, Г. Ленс, В. Мальхов, Цишка и др.), книги «добрых дедушек» немецкого национализма или, что гораздо хуже, писак, готовивших убийц Третьего рейха [6, S. 86].

Он с упоением читал о подвигах немца-сверхчеловека и немца-миссионера, несущих свободу и культуру другим народам. Он вспоминал позднее, как в лагере военнопленных в Варшаве у его товарища, образованного антифашиста, глаза

расширились от изумления и ужаса, когда начитанный Герман не без гордости назвал ему имена авторов прочитанных книг. Да, он зачитывался этими книгами, пил, так сказать, из сомнительных колодцев. Но ведь других книг не было, другие были сожжены, запрещены, изъяты из библиотек. Стоит ли удивляться, что после просмотра в школе пропагандистского фильма «Юный гитлеровец Квекс» (*Hitler-junge Quex*) Герман с сестрами с воодушевлением разыгрывал сцены из жизни бесстрашного мальчика, отдавшего свою жизнь за идеи фюрера и погибшего от рук злобных коммунистов. Курьезность ситуации заключалась в том, что Герман, с ранних лет знавший «красную» родословную семьи и соседей, никак не связывал киношных злодеев со своей родней.

Подводя предварительные итоги, можно сказать, что в ранней юности Герман – пытливый, умный, восприимчивый, по-своему начитанный, не имел четких политических ориентиров. Школа, детская нацистская организация, чтение, фильмы делали свое, подпитывая его эмоциональную сферу разнородным, зачастую противоречивым, даже взаимоисключающим воздействием. Однако стоит отметить, что в любых ситуациях для Германа существовала «красная линия», которую он никогда бы не смог переступить – добровольное прямое участие в нацистских злодеяниях. Он вспоминает, как к ним, призывникам, пришли «симпатичные ребята» из СС с железными крестами, со всевозможными значками и стали уговаривать идти к ним, в СС: будет хорошее питание, хорошее оружие, все будет по-другому. Но любой парень с пролетарскими корнями, «а я был таким», понимал, что подобные привилегии связаны с разделением на «сверхчеловеков» и «недочеловеков», последних надо было истреблять, а такое эсесовцам все равно что нашему брату позавтракать». «Войска СС, – замечает Кант, – были для меня частью того мира «господ», с которыми я не хотел иметь ничего общего» [3, S. 18]. Пойти за ними означало потерять родных, близких, соседей. В этом контексте интересны замечания Канта о так называемом «Деле Г. Грасса». Знаменитый писатель, нобелевский лауреат, в августе 2006 года сделал сенсационное признание, что он короткое время (с 10.11.1944 по май 1945) служил в войсках СС. Оставляя в стороне нравственный аспект вопроса, Кант говорит о механизме воздействия нацистского воспитания. Если ты «проявил» себя в гитлерюгенде, и верил в конечную победу, то ты неизбежно попадался на крючок пропаганды и становился «элитным солдатом». Тем более, если у тебя не было сдерживающих рычагов – примера и мнения родных и соседей.

Вся жизнь Канта до его призыва в армию была приговорительным этапом. Как и его сверстники, он, сам того не зная, стоял перед огромным испытанием, опасной инициацией, определившей дальнейшее становление – сначала война, а затем плен. В конце войны он был призван в армию (8.12.1944) и почти сразу же попал в Польшу в плен (20.1.1945). Солдат мотопехоты Г. Кант оказался на линии

наступления советских танковых войск, двигавшихся по шоссе Клодава – Берлин. Он выстрелил из фаустпатрона в советский танк, из танка выскочили солдаты, а он, скрываясь, вместе со всеми побежал задворками под нескончаемую стрельбу по шоссе на запад. Вспоминая о своем «боевом крещении», первом и последнем военном столкновении, он говорит: «Куда я стрелял и в кого попал – не знаю». Затем последовали блуждание по польской местности, истощение от голода и слабости и плен. Шесть недель в действующей армии, четыре года плена, два из которых он провел в варшавской тюрьме, с избытком хватило, чтобы «выстрадать» и принять как «свои кровные» два аргумента, ставшие заповедью в ГДР. Первый – «никогда больше не допустить войну», второй: если мы в ГДР не пробьемся, то «они», запад, поставят нас к стенке [3, S. 14].

Годы польского плена стали для него подлинными университетами. Только руководила этими университетами сама жизнь, заставлявшая его и повторить пройденное, и усвоить новые уроки. Именно тогда прочитанные им взхлеб книги о героических приключениях германца-воина и культустрегера предстали в новом свете: он видел руины Варшавы, он сам с другими пленными вытаскивал из рвов трупы убитых немцами мирных граждан. Кант прошел весь тяжкий путь тюремно-лагерного воспитания и образования. В первые послевоенные годы в Польше не делали различия между военными преступниками и военнопленными солдатами; ходячим выражением было: «В Польше нет пленных солдат; здесь есть сорок тысяч военных преступников». Г. Кант сидел в камерах с ворами и мошенниками, с настоящими военными преступниками («душегубами»), он перенес холод, голод, стояние в подвале босыми ногами на железном полу, болезни, унижения, побои. Оглядываясь на это время, Кант не устает повторять – и в художественных произведениях, и автобиографических воспоминаниях: «То, что выпало мне на долю за эти четыре года, не могло радовать меня; но я радуюсь тому, как я распорядился этим временем: я постоянно пытался усовершенствовать свое представление о мире, свое мировоззрение, как и представление о мире других» [3, S. 20]. Его преимущество были молодость и любознательность, желание не только выжить в этих brutальных условиях, но и осмыслить их. Только тогда тюремная и лагерная жизнь могла превратиться в некую «педагогическую провинцию», где были положительные примеры, и опыт новой социализации, и вся история жизни становилась, как позднее иронически заметил в одном из своих интервью Г. Кант, «очень немецким воспитательным романом» [7, с. 312]. Усвоить жесткие, зачастую жестокие уроки в такой «педагогической провинции» мог только очень восприимчивый ученик, готовый слышать, слушать, размышлять, сомневаться. Таким учеником и оказался Кант. Вспоминая свой «благословенный и проклятый плен» [3, S. 197], он всегда с благодарностью называет людей, помогавших ему не только выстоять, но и пройти путь (само) воспитания от одичания

к человеку. Это прежде всего две учительницы, руководительницы антифашистских курсов Эдда Тенненбаум и Юстина Серп, антифашисты Карл Влох, Ганс Райциг и др. Позднее он напишет свой лучший роман об этом времени «Остановка в пути» (*Der Aufenthalt*, 1977) и посвятит его памяти своих учителей.

Тюрьма и лагерь, постоянные стрессовые ситуации, жизнь на грани смерти раскрыли его личностный потенциал. Безжалостный, зачастую беспощадный опыт «отливает» новые формы для выражения его темперамента и характера, моделирует его политическую физиономию. Здесь он впервые начинает постигать самого себя. Так он осознает, что хорошо сформулированная и внятно выраженная мысль может быть использована как оружие в борьбе за свои права. Он обнаруживает, что «химический состав» его собственной натуры – активность, боевитость, владение острым словом, смелость, – таков, что он может убеждать и привлекать на свою сторону сторонников. Так происходит, когда вопреки запрету тюремного руководства Кант и его сторонники организовали антифашистский актив, работавший нелегально. На одном из собраний Г. Кант вскочил на скамейку и выступил против большинства, считавших, что они невиновны, и поляки обязаны отпустить их по домам. Он нашел аргументы, чтобы доказывать (иногда и кулаками), что война – не футбольный матч, ее свистком не закончишь [3, S. 198]. Варшава, лежащая в развалинах – это и их вина, независимо от того, как долго они воевали. Однако для того, чтобы зарекомендовать себя «красным вожакам», он должен был прежде всего сам прийти до такого понимания – перешагнуть через обиды, унижения, порой бесчеловечное отношение со стороны поляков. Тут воедино сплелось все – и семейные традиции, и новый оглушающий и ошеломляющий опыт: «Я не знаю, шло ли это от родителей или еще откуда, но во всяком случае было благом, что я смог это сказать <...> [3, S. 198].

Деятельность Г. Канта в лагерном антифашистском активе, ставшего постепенно влиятельной общественно-политической силой в лагере, с которой считалось и лагерное руководство, оказалось бесценным опытом для дальнейшей жизни. Лагерь запрограммировал его последующую жизнь, мотивацию его поведения. Думающий, жадно впитывавший знания на антифашистских курсах, он подверг тотальной ревизии всю свою короткую жизнь до плена, и вернулся домой с четкой идеологической позицией – он ясно понимал, на чьей он стороне. Конечно, Кант позднее осознавал, что многое воспринимал несколько примитивно, но марксистские идеологемы, воспринятые им («классовая борьба», «идеологические происки Запада»; «пролетарский интернационализм»; «диктатура пролетариата»), были энергетическими сгустками, дававшими возможность – пусть упрощенную – понять историю, увидеть свое место в ней. Он, как и многие молодые, волевые и энергичные люди его поколения, опираясь именно на твердую почву идей социального равенства, справедливости, противостояли послевоенному хаосу,

стремились установить общественный порядок, который строился на этих постулатах. Вот как он сам охарактеризовал процесс «переформатирования» своей личности: «Стрелки моей жизни были поставлены и направление развития преодолены с той поры, как я вскочил на скамейку и обратился с речью к военнопленному <...> Конечно, это звучало примитивно, но с той поры, так и пошла моя жизнь [3, S. 43]. Он вернулся с твердым убеждением, что все происходящее вокруг касается лично его – это проблема проблем: «Если ты не считаешь себя стрелочником или машинистом локомотива, то тогда можешь рассчитывать только на то, чтобы все оставить, как есть. Тогда тебе только и быть тормозным кондуктором» [3, S. 73].

Примечательны комментарии И. Гучке к лагерному отрезку жизни Канта. Ее занимают два аспекта. Первый касается постоянного чувства вины его как немца за злодеяния нацистов, чувства, доходящего по мнению журналистки, до крайности: ведь он, восемнадцатилетний юноша, воевавший всего шесть недель, не разрушал Варшаву. Разве не должно быть места справедливости и по отношению к побежденным со стороны победителей, в действительности так жестоко и мстительно относившихся к побежденным? Разве не рождает одна несправедливость новую? Кант, возражая И. Гучке, говорит о том, что и он был частью армии, напавшей на Польшу; он был соучастником этих злодеяний. Второй аспект, занимающий журналистку, состоит в упрощенном подходе к истории, имевшей хождение в пропаганде ГДР. Она, де, и сама была воспитана на клише, где образы победителей изображались солдатами, держащими на руках детей и раздающих еду побежденным. Но это лишь одна сторона, действительность была более сложной и жестокой. «Изгнанные» немцы из Польши и Чехословакии, советские гулаги, о которых не говорилось ни слова. «Каким должно быть адекватное отношение к нацистскому прошлому с точки зрения сегодняшнего дня?» – задает вопрос журналистка [3, S. 34]. Пока для нее единственным надежным ощущением остаются лишь печаль и скорбь.

Вопрос, заданный собеседницей Канта, не праздный, вокруг него и в самом деле много недомолвок и спекуляций. Думается, что ответ Г. Канта поучителен во многих отношениях. Прежде всего, он указывает на иной вектор движения мысли. Логика его рассуждения такова. Печаловаться и скорбеть, конечно, не запретить. Но ему близок иной, деятельный способ преодоления нацистского прошлого. Искусство, где он суверенная художественная личность, дает ему возможность уйти от политической заданности, от поверхностного обсуждения этой проблематики. Написав историю (пере)воспитания немецкого военнопленного, он не погрешил против истины, но сохранил баланс в изображении прошлого и настоящего, тяжелой, иногда жуткой реальности плена и ее позитивного осмысления. Роман о судьбе немецкого военнопленного, написанный «рукой жесткой и храброй», стал одним из лучших произведений в европейской и шире – в мировой литературе, «книгой безбоязненной очистительной силы» (К. Симонов) [8, с. 7].

Эта позиция «политического человека» и политически ангажированного писателя Канта. Оценивая такую честную принципиальную точку зрения, критик М. Райх-Раницкий делает заключение: «Этот писатель был и остается умным и жестким критиком нашего западного мира. У нас нет причин для теплого отношения к нему, но есть повод для того, чтобы корректно, с уважением, поздороваться с ним» [Цит. по: 9, S. 56].

Г. Канту было двадцать два года, когда он возвратился из плена к родным в Пархим. Встречи с бывшими друзьями, вернувшимися из английского плена, показали ему, какая пропасть разделяет их. Их рассказы о том, какими лихими парнями они были на войне, байки о женщинах, черном рынке, о Западном Берлине – все было, говорит он И. Гучке, чуждо его умунастроению. Он был рад, что время открыло ему окно других возможностей, одна из них – получение образования. Учась на рабфаке в университете Грайфсвальда, он, уже будучи членом СЕПГ, избирается в университетское партийное руководство. Он мог бы сделать научную карьеру и уже работал ассистентом на кафедре филологии, но его влекла к себе живая работа с людьми, ему хотелось быть в гуще событий. Он редактор на университетском радио, позднее редактор с журналом для студентов Университета в Западном Берлине «*tua res*» (1957–1959). Одновременно он пишет: его мечта стать журналистом, публицистом («Я хотел делать что-то, связанное с писательством» [3, S. 44]). В целом, характеризуя его жизнь в 1950-е годы и в начале нового десятилетия, можно сказать, что он не упускает ни одной возможности, чтобы упорядочить, организовать сырой материал действительности в тот момент, когда она еще, подобно лаве, бурлит и преобразуется. Его кредо – противостоять хаосу, возникающему в результате действий идеологических противников. В эти годы, когда стала очевидной динамика общественно-политического развития ГДР, складывается его линия политического поведения. Тому способствовал ряд событий: забастовка и демонстрация протеста берлинских рабочих против повышения норм выработки на промышленных предприятиях (17 июля 1953 года); политические процессы 1956 года. В 1953 году он был непосредственным участником событий, видел непоследовательность и отсутствие логики в тактике партийного руководства, сначала принявшего непродуманные решения, а затем поспешно уступившего требованиям митингующих. Он и его сторонники готовились защищаться от любого рода провокаций и три дня не покидали здание Института германистики. Журналистка, расширяя ракурс рассмотрения проблемы, спрашивает, не хотелось ли ему тогда, чтобы во главе республики стояли другие люди, способные заменить и режим, и несостоятельное руководство. Кант дает отрицательный ответ, подчеркивая, что критическая оценка их решений ничего не меняла в отношении его, тогда молодого коммуниста, к их героическому прошлому (участие в Соппротивлении, война в Испании). Он осознавал, что свержение правительства, переворот в ГДР послужит на пользу идеологическому противнику.

Было и еще одно, лежавшее в глубине его натуры и всегда удерживавшее его от принятия радикальных решений – его характер (умение трезво взвешивать пользу и убыток), соединенный с прямотою; принципиальным отказом действовать «за спиной». Он никогда не говорил себе: дело, которому он служит, «с гнильцой». Он говорит себе так: есть гнилые места, «их следует выковырять, но не повредить остальному» [3, S. 48]. Он хорошо знал, что «гнили» хватает и в утверждениях с «другого берега». Позднее, в связи с событиями «Пражской весны» (1968) он заметит: «Я не хотел менять своих догматиков на догматиков западных». Не этим людям, еще не освободившимся от гитлеровских идей, учить его, как надо жить. Поэтому он всегда оставался членом партии, имеющим критическое мнение, но не помышляющим об оппозиции.

В 1950-е годы в компартиях стали заметны попытки реформирования; они были направлены на освобождение от крайностей сталинизма. В ГДР вокруг известных общественных деятелей (В. Харих и В. Янка) образовалась неформальная группа интеллектуалов-марксистов, требовавших проведения внутривластных реформ, смены руководства В. Ульбрихта, особого пути объединенной Германии к социализму. Руководство ГДР, находясь под впечатлением событий в Венгрии (1956), устроило показательные процессы. В. Харих и В. Янка были приговорены к тюремным срокам.

Г. Кант был растерян и потрясен; он не мог понять, почему за открыто высказанные идеи можно на долгие годы попасть за решетку. В. Харих и В. Янка имели героическое прошлое, В. Янка сидел в гитлеровских концлагерях, сражался в интернациональной бригаде в Испании, был в Мексике соучредителем движения «Свободная Германия» и руководил группой коммунистической партии. Оба активно участвовали в общественной и культурной жизни ГДР в первые годы ее существования.

В это тяжелое время для него чрезвычайно важной была психологическая опора на человека, близкого по взглядам, но обладавшего большим жизненным и политическим опытом. Таким стал для него Ст. Хермлин, его старший друг, наставник, учитель. Ст. Хермлин имел за плечами не только работу в Союзе коммунистической молодежи в Германии в 1930-е годы, не только концлагерь. Он еще пережил как внимательный наблюдатель политические процессы в Советском союзе. Поэтому его постоянное, духовное и практическое присутствие в жизни Канта с октября 1952 года и до самой смерти Хермлина трудно переоценить. Именно Ст. Хермлин, не «сломавшийся» на сталинских процессах, а, по его словам, «переработавший» их, доказал ему азбучную истину политической борьбы: тот, кто хочет свергнуть господствующий строй, который находится к тому же под угрозой извне, тот, конечно, имеет право жаловаться на жесткую обратную реакцию по отношению к нему, но не должен удивляться ей [3, S. 54]. Г. Кант

с благодарностью вспоминает: «Он был для меня причалом во время всех идеологических, философских, политических трудностей». Хермлин, в свою очередь, видел в Канте благодатный материал для своих педагогических усилий; ведь он воспитывал из «грубоватого антифашиста антифашиста разумного» [3, S. 54–55]. Он полагал, что его молодой друг может и должен писать «высокую художественную литературу» [3, S. 88], но самого Канта всегда тянуло к повседневной актуальной «политической работе», в ней была «разлита» его писательская деятельность. Он участвовал в ней и как журналист, и как писатель, и как общественный деятель. На вопрос Гучке о Берлинской стене отвечает не сторонний наблюдатель, а человек, непосредственно сопричастный событиям: тогда «у нас было чувство: здесь совершается революция и мы показываем Западу сжатую в кулак рабочую руку. Мы сначала не видели то, что попали этим кулаком в свой собственный нос» [3, S. 60].

Подводя итог первым двенадцати годам общественно-политического развития поколения «вернувшихся», можно утверждать, что они (Г. Кант, И. Бобровский, Ф. Фюман, Э. Штрिटтматтер) верили, что обрели подлинные ценности и готовы были самоотверженно служить своей республике. Первое десятилетие давало им ощущение участия во вдохновляющем, невиданном эксперименте. Они гордились, что задействованы в творческом акте драмы, поставленной немецкой Историей.

В связи с этим обратимся к проблеме достоверности образов Канта, созданных на материале послевоенной действительности, проблеме, обсуждавшейся в отечественной критике в начале 2000-х годов. Критика не сомневалась в высоком художественно-эстетическом уровне его прозы; верно отмечала, что образы писателя обозначили «характерные тенденции современного общественного и индивидуального развития» в республике. Вместе с тем утверждалось, что персонажи кантовских романов, противостоящие социально-историческому хаосу, сродни «разнообразным симулякрам»: «Так появляются знаменитые квазиперсонажи, один из которых имеет характерное прозвище «Квази-Рик» – пишет В. А. Фортунатова [10, с. 160]. Вывод исследователя является, на наш взгляд, спорным.

Симулякры, симуляция – понятия постмодернистской философии и эстетики, возникшие в рамках отрицания соотношения знаков с объективной действительностью, значений с конкретным предметом (денотатом). Фундаментальным свойством симулякра является его принципиальная несоотнесенность с какой бы то ни было реальностью. Другими словами, симулякр есть «точная копия, оригинал которой никогда не существовал» [11, с. 727, 728]. Принципиальное отличие образов, созданных Г. Кантом, в том, что они были как раз укоренены в действительности тех лет, имели свою соотнесенность с ней, что, конечно, не исключает авторской художественной обработки жизненного материала. Что касается Квази-

Рика, то Кант в беседе с Гучке рассказал о двух важных встречах на Западе, где незнакомые люди давали понять ему о том, что они-то и есть «Квази-Рик», люди, выполнявшие секретные государственные поручения [3, S. 67].

1950-е годы были важны для Канта и тем, что он сформировался как «политический человек». Он понимал, что живет не в лучшем мире; он «переварил», как советовал Ст. Хермлин, политические процессы середины 1950-х годов. Он видел, как власть, защищаясь от угроз извне и изнутри страны, действует по упрощенной схеме: перед ним был пример А. Зегерс, выдающейся писательницы, фигуры, хорошо известной в мировом коммунистическом движении. Ее попытки выступить в защиту своего многолетнего соратника по мексиканской эмиграции В. Янка, неоднократные беседы на самом «верху» с В. Ульбрихтом оказались безрезультатными: ее, по словам Канта, «просто-напросто отшили» [3, S. 52]. Однако главным для Канта было «дело»; перед ним открывались новые перспективы, определившие на долгие годы его общественный и жизненный путь: в 1960 году по рекомендации Ст. Хермлина он, автор уже известных рассказов, был принят в Союз писателей ГДР. Работать на гонорарной основе, занимаясь писательской деятельностью, – «это было в ГДР почти свободой» [3, S. 58].

Деятельность Канта в Союзе писателей (1969–1978 годы он – вице-президент, 1970–1990 годы – президент этой организации) стала одной из самых интересных и самых драматических страниц его жизни как политической личности. Нередко события двадцатипятилетней давности передаются в прессе и в критике в недружественном для писателя тоне пересказа. В его беседах с журналисткой они предстают в более объективном свете: И. Гучке не замечает под ковер сложные ситуации, а Г. Кант не уходит от ответов на самые проблематичные вопросы. Чем была писательская организация ГДР? Созданное в 1952 году как самостоятельное объединение писателей (с 1975 года – Союз писателей) было не только литературной, но и профсоюзной организацией. В Союзе писателей речь шла в первую очередь о солидарности, прежде всего, экономической поддержки авторов. Союз писателей был политической организацией, однако не было доктринерства, требования слепо следовать в своих произведениях политической линии и идеологическим догмам. В стенах Союза было место для свободной дискуссии, для, как говорит Кант, спонтанного проявления чувств и мнений. В такой «заорганизованной» стране, как ГДР, спонтанного боялись более всего. Однако литература начинается со спонтанного, непосредственного выражения идей и эмоций, не подчиняющихся одним и тем же правилам. С этим не могли не считаться «власть предержащие». Отношение ведущих сил в ЦК по отношению к культуре носило патерналистский характер: недоверие, смешанное с отцовской гордостью, если художникам удавалось создать нечто выдающееся, признаваемое к тому же на Западе. Однако ситуативная доброжелательность постоянно сопровождалась

(особенно на местах, в округах) с постоянным призывом к бдительности: смотрите, чтобы эти «свободные» художники не очень-то зазнавались. Как же относился Кант к системе всеобщей слежки и надзора? Несколько неожиданно, с точки зрения людей, живущих в других условиях дозволенной свободы. Вот что отвечает Кант. То, что власти так «плотно» опекали художественную интеллигенцию, говорит, по его мнению, о том, что ее всерьез воспринимали. И в своем большинстве художники ГДР (особенно в начале и середине ее существования) и не сомневались в том, что партия должна осуществлять ведущую роль в государстве и повсюду, где есть ее члены, выполняющие партийные обязанности. «Мы, однако, сомневались в том, замечает он, – что партия должна выполнять свои партийные обязанности через своих зачастую тупоумных, идиотских доверенных лиц» [3, S. 110].

Такова одна сторона проблемы. Другой является недоверие и подозрение по отношению к «свободным художникам» не только со стороны политического и идеологического руководства, но и определенной части «старших товарищей», коллег по писательскому цеху. За их плечами было героическое прошлое: эмиграция, война в Испании, но они принесли с собой взгляды на искусство, усвоенные ими в антифашистском подполье – искусство, литература есть лишь инструмент в политической борьбе, то есть имеет только «потребительную стоимость». Влияние партийных догматиков в Союзе было велико. «Банда четырех» (Альфред Курелла, Александр Абуш, Ганс Роденберг, Отто Готше) [3, S. 110], как их именовали коллеги по аналогии с хунвейбинами, пыталась возглавить весь процесс развития культуры в республике. Им никто не выдавал мандата на идеологический контроль литературы; они действовали добровольно из лучших побуждений. Кант вспоминал, что, присутствуя в первый раз на заседании секции литературы, он обнаружил впереди пять стульев. Один занял председатель секции, четыре других – «старшие товарищи». Их никто не уполномочил, свои полномочия они получили, так сказать, «от господ Бога или от самих себя», и считали это само собой разумеющимся» [3, S. 97]. Над ними иронизировали, посмеивались за их спиной, но положение не менялось: никто не хотел связываться с влиятельными ретроградами. Став вице-президентом, а позднее президентом Союза, Кант пытался ограничить влияние партийных функционеров, желавших «порулить» культурой, приходивших на заседания секции и «несших там сущую околесицу» [3, S. 111]. Он добился, чтобы идеологическое руководство Союзом исходило только из центра (ЦК и политбюро). Однако такая тесная «связка» с центром оказалось впоследствии «пожароопасной»: «ведь оказание услуг, – говорит Кант, – возможно лишь на взаимной основе» [3, S. 111].

Осознавая свой возрастающий авторитет известного писателя, чувствуя за собой определенную поддержку, Кант мог в определенной степени нейтрализовать наиболее радикальные требования партийных догматиков. Но всё же

вывести Союз из-под влияния людей подобного толка было ему не под силу: они образовывали хребет системы. Канту пришлось выслушать резкое и обидное для него замечание Ст. Хермлина, что он недостаточно эффективно противодействует партийным догматам. «Он на меня кричал: ты же могущественный человек» [6, S. 316]. Позднее в беседах с Гучке он соглашался, что, видимо, мог сделать больше, но, добавим от себя, он уже сам стал частью этой системы. Такова логика политических отношений. Ты либо находишься в рамках определенной системы и можешь реализовать и свое «дело», и собственные планы (намерения), либо ты вне ее поля и становишься изгоем.

Об этом свидетельствует путь Канта к посту президента Союза писателей. Вокруг его назначения на президентский пост всегда было много спекуляций, оно подробно обсуждается и в беседах с Гучке. Хотел ли Кант быть президентом Союза? Да, утверждают и его откровенные недоброжелатели, и сам писатель. «Нет сомнения, – пишет, например, К. Корино, – он стремился к власти, постоянно наслаждался ею» [1, S. 14]. Г. Кант объясняет желание возглавить Союз задачами «дела», сохранением самого писательского объединения. Да, отвечает он на прямой вопрос журналистки, после ухода Зегерс с этого поста он хотел занять его, ибо «если делаешь не ты сам, то будут заставлять делать тебя» [3, S. 74].

Был ли он готов к такой деятельности? Масштабность, размах, груз ответственности – все соответствовало его политическому темпераменту и амбициям. Другой аспект – его характер. Он хорошо знал себе цену, понимал, что он «ценный кадр», каких не так-то много в республике: умел хорошо писать, остроумно, убежденно и дерзко раскрывал суть социалистических взглядов. Другими словами, он был идеологическим оружием в политической борьбе и в то же время подлинно талантливым писателем, одним из немногих «выездных» авторов, книги которого печатались и обсуждались в обеих частях Германии. Как говорится – большой художник и политический агитатор «в одном флаконе». Кроме того, за ним всегда тянулся какой-то особый шлейф самонадеянной уверенности: он, Кант, может добиться гораздо большего, чем другие. Ощущение удачливости, того, что он сумеет наилучшим образом использовать любой ветер, дующий в паруса, чтобы вести Союз дальше. Между тем Союз писателей нуждался в таком умелом лоцмане. Долгое время свободных художников, «гнездо оппозиционного инакомыслия и оппортунизма», терпели, так как их суденышко осторожно и осмотрительно вела А. Зегерс. Постепенно ее общественное влияние убывало, она все больше уходила с поля активной деятельности, т. к. оказывалась все более беззащитной перед лицом политического руководства. Свою роль играли ее возраст и ухудшающееся здоровье. Именно с этого времени Кант стал всерьез думать о судьбе писательского объединения. Его девятилетний опыт, полученный в качестве вице-президента, так сказать, министра иностранных дел при А. Зегерс, в «коридорах

власти» подсказывал ему, что партийные функционеры могут одним махом перекрыть бутылочное горлышко свободы, назначив на пост президента испытанных борцов с «либерализмом и скептицизмом» художественной интеллигенции, к тому же заслуженными людьми со славным антифашистским прошлым.

Были и другие претенденты. Сама А. Зегерс видела своей преемницей Кристу Вольф, известную писательницу, представлявшую в своем творчестве широкий спектр взглядов – антифашистских, общегуманистических, ориентированных на развитие в ГДР социалистического общества с человеческим лицом. Ее произведения находили отклик в обеих частях Германии и за рубежом. Произведения Вольф ценил и Кант, но считал, что руководство писателями требует иных качеств. Негативная динамика общественного развития в республике, идеологическая политика, направленная на «закручивание гаек», показывали, что скоро «наступят и дни пожестче» (И. Бахман. Перевод К. Богатырева). В такое время у руля должен быть, считал Кант, человек с другими качествами – волевой, политически искушенный, умеющий лавировать между властью и художниками. Именно с этой точки зрения не подходила кандидатура другого писателя, Эрвина Штриттматтера, известного не только замечательными произведениями, но и издержками своего темперамента, открытого и взрывного характера. Такой человек не имел перспективы, по мнению Канта, иметь долгосрочное «дипломатическое» сотрудничество и с властями, и с коллегами, что могло поставить под вопрос и существования Союза в том виде, какой он имел ранее. Ст. Хермлин блестяще подходил по всем параметрам, но он не стал бы заниматься каждодневной «черновой» работой, выходящей за границы его творческих интересов [3, S. 101].

С момента избрания Канта на пост президента делом всей его последующей деятельности стало сохранение писательской организации с тем отвоєванным и отпущенным ему пространством для свободного творчества. Кант в должности президента понимал, что ему предстоит сложный и негарантированный от проблем путь, но он был знаком с такого рода трудностями еще на посту вице-президента. Одним из самых сложных оказалось умение распоряжаться энергией конфликтов, неизбежно возникающих в творческой среде одаренных, талантливых людей, сосредоточенных на себе и своем искусстве, требующем свободы самовыражения. «Свободные художники» требовали и свободы передвижения, выступлений в другой части Германии (ФРГ), возможности печататься там. Они ставили в вину Канту его вовлеченность в интересы власти. Недоверие достигло апогея еще в последние годы его вице-президентства, когда разразился скандал вокруг так называемого дела Вольфа Бирмана, известного поэта, сочинителя песен. В ГДР талантливый поэт и исполнитель своих песен нередко выступал с критикой тех или иных общественных явлений (например, Берлинской стены), однако не без поддержки ведущих членов Союза писателей (Ст. Хермлин, Г. Кант)

власти «терпели» мятежного поэта и разрешали ему длительные гастроли в ФРГ. После одного такого выступления во дворце спорта в Кельне (13.11.1976), где он то критиковал, то защищал ГДР, политбюро СЕПГ приняло решение о лишении его гражданства (16.11.1976). Это решение вызвало бурю негодования в обеих частях Германии и за границей. По инициативе Ст. Хермлина ведущие деятели культуры ГДР (Э. Арендт, Ю. Бекер, Ф. Браун, К. и Г. Вольф и др.) обратились через западные медийные средства с открытым письмом с требованием отменить решение. Г. Канта не поставили в известность об этом письме, что, как он говорит, оскорбило его. Г. Кант, всегда признававший талант В. Бирмана, защищавший его от наиболее ретивых чиновников, помогавший в организации концертов и при приеме в ПЕН-клуб, считал, что с «поэтом-эгоцентриком», не считавшимся ни с чем, кроме своего таланта, не желавшего идти ни на какие уступки, следовало все же вести постоянный диалог, а «не выставлять его за дверь» [3, S. 105]. В ГДР от конфронтации между властью и творческой интеллигенции проиграли обе стороны: размежевание между культурой и политическим руководством стало неизбежным.

В период пребывания Канта на посту президента Союза писателей последствия этих «осыпающихся» отношений ощущались все сильнее. Серьезным испытанием для него было исключение из Союза девяти известных писателей (9.6.1979). Поводом послужила публикация С. Гейма романа «Коллин» в западногерманском издательстве без разрешения на то бюро по охране авторских прав. Он был приговорен к выплате большого денежного штрафа. В ответ на это писатели, среди них были К. Барч, А. Эндлер, С. Гейм, К.-Г. Якобс, К. Похе и другие известные художники, обратились с открытым письмом к Э. Хонекеру, напечатанному и на Западе, где они критиковали политику «зажима» непокорных писателей, требовали большей свободы для публикаций своих произведений. Волна протестных настроений, поднятая С. Геймом, поддерживалась прессой ФРГ, делавшей однозначный вывод: в ГДР существуют два сорта писателей – талантливых, которых угнетают и заставляют молчать, и бесталанных, но «послушных», которые всемерно поддерживаются. Кант, почувствовав себя лично оскорбленным, выступил на заседании правления писателей, а затем его гневная речь была напечатана в органе СЕПГ «Ноейс Дойчланд». «Тем самым, – говорит он, стрелки были поставлены, задачи определены, принято решение: прикрываясь спиной Канта, организовать процесс исключения» [3, S. 126]. Задним числом Кант понимает, что его «оболванили» и просто-напросто использовали: президента Союза писателей даже не поставили в известность о том, что исключение девяти писателей было заранее согласовано между окружным партийным руководством Берлина и берлинским правлением Союза. Он, Кант, выступая с «зажигательной» речью на том злополучном собрании, таскал каштаны из огня, разожженного другими. Но и позднее, спустя десятилетия, он точно не знает, что можно было бы сделать в той ситуации,

чтобы предотвратить исключение и в то же время не дать «прикрыть» Союз [3, S. 128]. Ведь такого рода примеров в странах восточного блока было достаточно: закрытие ПЕН-клуба в Польше, лишение полномочий писательских организаций в Чехословакии и Венгрии. Подобное развитие для Союза писателей ГДР он всеми силами стремился предотвратить.

Коллизии, переживаемые Кантом, – это драма субъективно честного человека во власти, человека, связанного путами партийных обязанностей. Верность своему «делу» (Союзу) делает его заложником политических игр властных структур времен холодной войны. Г. Кант всегда считал, что его культурно-политическая деятельность была балансированием между культурой и политикой, а себя рассматривал посредником между властными структурами и культурой, в более уменьшенном масштабе – между политическим и идеологическим руководством и тем, что было его личным и общественным делом: Союзом писателей как организации, дававшей художнику возможность творить. Быть между молотом и наковальней – такая позиция оказывалась для него весьма проблематичной, она не приносила ему доверия ни с той, ни с другой стороны. Партийные чиновники от идеологии и культуры писали на него, как следует из материалов, изданных К. Корино, доносы, укоряя «в недостаточно твердой выдержанной идеологической линии» по отношению к писателям [1, S. 48]. С верхних этажей власти ему предлагали более почетную и спокойную должность президента Академии искусств (1982). Уж больно беспокойным союзником был этот Кант!

С другой стороны, коллеги по писательскому цеху упрекали его в слишком тесной включенности в потребности власти. Высказывания тех, кто олицетворял его с системой, крайне негативны, они слишком эмоционально окрашены, а потому зачастую несправедливы. В их изображении Кант «ужасный», «страшный человек» (Сара Кирш). «Он, – по словам оппозиционного писателя Эриха Лёста, – заключил союз с дьяволом» [12, S. 5]. Конечно, у художников есть право на свою правду, а их душе есть на что жаловаться. Однако тот же Эрих Лёст мог бы вспомнить общеизвестный в писательских кругах ГДР факт, что только благодаря принципиальной поддержке Канта его роман, изданный очень малым тиражом, был переиздан. Г. Кант дошел до Э. Хонекера и пригрозил своей отставкой в случае отказа в переиздании. В той ситуации власть нуждалась в Канте и потому отступила – роман переиздали. Поступок президента Союза писателей вызвал бурю негодования в отделе по делам идеологии ЦК: неслыханно! Какой-то писатель шантажирует главу республики! [3, S. 136]. К. Корино, издавший материалы по связям писателя с органами безопасности, должны заклеить «властолюбивого злодея», публикует в них и документы, свидетельствующие вопреки воле издателя, как много делал Кант для коллег, помогая с изданием «трудно проходимых» произведений К. Вольф, Э. Штриттматтера, Г. Кунерта [1, S. 48]. О поддержке

В. Бирмана уже говорилось выше. Можно упомянуть и Р. Шнайдера, исключенного из Союза писателей: «Эти люди исключены из Союза, но не из литературы», – поддержал Кант право писателя на публикации [3, S. 138].

Годы, прошедшие после исчезновения ГДР и ее реалий, сделали свое. Отшумели страсти; судебные процессы, инициированные Кантом для защиты справедливости, чести и достоинства, выявили не только субъективность, но и идеологическую и политическую ангажированность многих обвинений в его адрес. В настоящее время тональность в оценке его деятельности такова: конечно, он выступал в поддержку писателей, находившихся в трудном положении, однако то были единичные акции, а требовались радикальные изменения – он мог бы сделать больше. Говоря словами одного из критиков, своими попытками внести корректуры в ошибочные решения партбюрократов он всего лишь «открывал оконце на чердаке, когда требовалось распахнуть все окна и двери» [13, S. 136]. Не оспаривая права на истину каждого из оппонентов Канта, хочется все же привести слова из известного произведения А. С. Грибоедова, сказанные бескорыстному мечтателю и фанатику правды Чацкому: «А главное, подит-ка послужи». В нашем контексте: попробуй-ка сам в предложенных тебе жестких условиях идеологического и партийного контроля, с теми догматиками, что во власти, добиться большего.

1990-е годы – напряженный, временами трагический период в жизни писателя, связанный с ликвидацией ГДР, с последовательным выведением из общественно-политической жизни идеалов, которым он служил. Вокруг него искусственно создается зона отчуждения, он исключен из влиятельных творческих организаций, из восточного отделения ПЕН-клуба (1991); после долгих дебатов он сам выходит из Академии искусств (1992); его не приглашают на значимые мероприятия – даже на конгресс писателей. Канта стилизуют под символ всей рухнувшей партийно-государственной системы; находится немало ретивых пропагандистов среди новообращенных граждан объединенной Германии, жаждущих общественного трибунала над писателем. То, что люди меняют свою личину в моменты крупных социальных сдвигов, то, что такие «перевертыши» способны на любой подлог ради собственного спасения, – с подобным он сталкивался еще в юности в польском лагере военнопленных. Но в общем мутном потоке бранных обвинений, гневных статей и устных выступлений, направленных против него, были «выбросы» не только «настойные» на ненависти к государству, но и на другом – «человеческом, слишком человеческом» (Ф. Ницше): обиды коллег на Канта, позволявшего себе саркастические выпады, в чем он сам позднее искренне раскаивался; зависть по отношению к нему как к человеку, книги которого издавались большими тиражами за границей; человеку, свободно разъезжающему по миру, известному и ценимому миллионами читателей. Во время подобного противоборства писательских самолюбий и амбицией объективно существующее различие в даровании, в таланте попросту игнорировалось теми, кому, по их мнению, «недодали» во времена ГДР.

На вопрос журналистки: почему жаждущие свести счеты выбирают в качестве мишени не подлинных партбюрократов, не бездушных тупиц, отличавшихся особым рвением в выполнении приказов «сверху», а людей творческих, думающих, желающих изменений, Кант отвечает точно, не без налета «черного» юмора: «Потому что они слишком высовываются из окна, потому что они всегда на виду» [3, S. 136]. Из членов президиума Союза досталось только ему, остальные отделались легким испугом. Да, он прежде получал больше всех почестей, но, говорит Кант, он и работал больше других, больше других причинял неприятностей администрации и больше других радости своим читателям.

Травля и шельмование Канта достигло наивысшей точки в так называемом деле работы писателя в качестве неофициального сотрудника с органами государственной безопасности (1956–1976 годы). Кампанию начал журнал «Шпигель» (*Spiegel*, № 44, 05.10.1992), сообщивший о шпионской карьере писателя: Кант, де, годами сообщал в соответствующие органы о писателях ГДР и ФРГ. Публикация вызвала большой общественный резонанс в писательских кругах и прессе. В 1995 году журналист К. Корино выпускает книгу «Материалы по делу Канта» (*Die Akte Kant. J.M. Martin, die Stasi und die Literatur in Ost und West*). В изображении К. Корино, крупный немецкий писатель и известный общественный деятель предстает таким карьеристом-шпионом, с готовностью выполняющим задания своих кураторов и продвигающийся по служебной лестнице: от посредника к тайному информатору, а затем к заветной конечной цели – к неофициальному сотруднику штази. В своей беседе с журналисткой Кант решительно отмахивается домыслы и лживые инсинуации в свой адрес. Он подчеркивает, что никто из офицеров госбезопасности никогда не давал ему никаких заданий. Он не отрицает, что люди из этой службы обращались к нему за консультациями по поводу отдельных художников (например, Г. Грасс). И он по долгу службы считал необходимым объяснить им масштаб и значение этих писателей. Непосвященные в суть дела могут теперь говорить, что с такого рода людьми вообще не следовало разговаривать. «Но для меня, – продолжает Кант, – штази была частью моего государства, а я хотел сохранить его» [3, S. 114]. Г. Кант достойно ответил клеветникам и пасквилянтам: он выиграл два судебных процесса, один из них – против журнала «Шпигель». Таков один аспект «дела Канта». Однако в беседах Канта с И. Гучке эта тема выводится за рамки личной сферы жизни писателя, она приобретает широкий общественно-политический смысл, так как рассматривается в контексте идеологического противостояния государств в холодной войне. В беседе Кант опирается как на свой собственный опыт, так и на документальные материалы, представленные в книге английской журналистки и писательницы Франсис Стонор Сондерс и в фильме известного немецкого документалиста Ганса Рюдигера Минова. Оба автора в течение многих лет исследуют работу ЦРУ с известными деятелями литературы. Канту и его собеседнице хорошо известно влияние ЦРУ на ПЕН-клуб, международную

правозащитную организацию, объединяющую профессиональных писателей, поэтов и журналистов. Кант прямо называет ПЕН «гнездом агентов» [3, S. 116]. ЦРУ, осознавая силу воздействия «властителей душ», постоянно держала в поле зрения художников левого толка, таких, как Дж. Оруэлл, А. Кестлер, И. Силоне и других. Г. Р. Минов дополняет этот список именами известных немецких авторов и издателей. Показательна в этой связи биография писательницы и журналистки К. Штерн. Именно она, будучи в 1987–1995 годах вице-президентом ПЕН-клуба, «однозначно и твердо» [3, S. 116] требовала исключения из ПЕН-клуба всех восточногерманских авторов, подозреваемых в связях с органами госбезопасности. Между тем, как следует из двух опубликованных автобиографий (1986; 2001), сама писательница вела двойную жизнь. К. Штерн (настоящее имя Эрика Асмус, 1925) успела «попробовать» все: была восторженной почитательницей фюрера в Союзе немецких девушек, затем (1947) завербована ЦРУ и по заданию разведки работала в ГДР в качестве доцента в партийной школе. После разоблачения и побега в Западный Берлин – она редактор в кельнском издательстве, курировавшегося ЦРУ. Стала основателем немецкого отделения небезызвестной организации *amnesty international*. Вместе с Г. Бёллем и Г. Грассом издавала журнал, дававший возможность для выступления оппозиционных сил всех мастей, стала автором литературных биографий. Ее собственная биография – жизнь многолетнего агента ЦРУ, работавшего под прикрытием журналистской и писательской деятельности. От К. Штерн, имеющей подобный «послужной список», можно было бы ожидать на заседаниях ПЕН-клуба более нейтральной позиции по отношению к восточногерманским коллегам, более тонкого и деликатного понимания их проблематики в условиях ГДР. Однако такого не случилось.

Две автобиографии К. Штерн, описывавшие «двойную жизнь» автора, получили в целом благожелательную оценку критики. Отдельные замечания носили литературно-эстетический характер, а ее многолетнее сотрудничество с ЦРУ не вызывало вопросов. Другое дело – Г. Кант. Само подозрение его в контактах с органами госбезопасности, по мнению К. Корино, издателя материалов, «скандал». Можно ли представить себе, гневно вопрошает он, чтобы на Западе «кто-то вроде Белля или Грасса был связан с БНД или ЦРУ?» [1, S. 12]. Однако реальность богаче представлений о ней. Во времена холодной войны большие художники использовались разведкой «втемную», они сами, замечает Кант, могли ничего не подозревать [3, S. 116]. Во всяком случае, документалист Г. Р. Минов называет Г. Белля «бриллиантом в коллекции ЦРУ» [3, S. 116]. Штази также имела «жемчужины» в своей коллекции. В 1990-е годы известный драматург Хайнер Мюллер (вместе с Кристой Вольф) был обвинен в контактах со службой государственной безопасности. Его «допрашивали» с пристрастием. Лейтмотивом звучало: как мог он, Хайнер Мюллер, «анархист, всегда действовавший по ту сторону власти, замарать свое имя», контактируя с этими службами. Х. Мюллер держался достойно; он

заявил, что контакты не запятнали его честности и порядочности: «Я говорю со всеми, если считаю это необходимым и практичным» [9, S. 488]. «Необходимым» значило для него влиять на культуру. «Практичным» – возможность в повседневной жизни помочь кому-то получить визу, избежать ареста и т. д.

Даже самое беглое сравнение судеб западных писателей и их коллег из восточной Германии (Кант, Мюллер, Вольф) свидетельствует о двойных стандартах в оценке их действий, четкое разделение на «своих» и «чужих». Как говорили древние: «не дело разное, в делающих разница» (Публий Теренций). Чем крепче художник ощущал свою связь с ГДР, тем более жесткой и непримиримой было к нему отношение в объединенной Германии.

Г. Кант был как раз среди тех, – надо сказать, немногих, – кто никогда не отрекался ни от своей республики, ни от партии. Он не считал создание ГДР пустым экспериментом. Ее достижения, например, в области образования неоспоримы – именно в этой сфере социалистическое устройство предложило личности гуманистические цели: «иди сюда, ты нам нужен, садись и учись чему-нибудь, все зависит только от тебя» [Цит. по: 13, S. 220]. Однако он видел и понимал, что страна постепенно утрачивала динамику развития, что закоснелый бюрократический парт-аппарат терял связь с реальной жизнью; в докладах на съездах звучали лозунги, «нагло искажавшие действительность», а общество все больше превращалось в людей-марионеток, исполнителей приказов, поступавших сверху; республика теряла в их глазах свою привлекательность [3, S. 157]. Где была наша ошибка, задает себе вопрос в конце жизни Кант, «активист ГДР». Беда в том, что мы не смогли осознать важности соответствия «главного дела» и повседневной жизни. Большая цель, принятие самых разумных решений обречены на провал, если нет их связи с «мелочами», «детальями», составляющими смысл жизни большинства людей, их личным отношением к «великим» планам и преобразованиям [3, S. 216].

Г. Кант прожил долгую жизнь и разделил все горести, страдания и радости, предложенные ему его временем. Он никогда не изменял сознательно выбранной им позиции «политического человека» и ангажированного писателя, деятеля культуры. Иногда – достаточно редко – время вознаграждает еще при жизни за верность принципам, достоинство и талант. В день девяностолетнего юбилея Канту довелось стать свидетелем своего триумфа – признания его выдающимся писателем объединенной Германии, создавшим целый мир и образы людей, строивших новый порядок на Востоке страны; блестящего стилиста, произведения которого вошли в общее немецкое культурное пространство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Die Akte Kant / Corino K. // "Martin", die Stasi und die Literatur in Ost und West. – Reinbek bei Hamburg: Rowohlt, 1995. – 509 S.

2. Jäger, M. Hermann Kant / M. Jäger // Kritisches Lexikon zur deutschen Gegenwartsliteratur; hrsg. von H. Z. Arnold. – München: text + kritik, 1989. – S. 1–10.
3. Gutschke, I. Hermann Kant. Die Sache und die Sachen / I. Gutschke. – 2., korr. Auflage. – Berlin: Neues Leben, 2007. – 256 S.
4. Нуркова, В. В. Свершенное продолжается: психология автобиографической памяти личности / В. В. Нуркова. – М.: Изд-во УРАО, 2000. – 315 с.
5. Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко. – М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. – 358 с.
6. Kant, H. Abspann. Erinnerung an meine Gegenwart / H. Kant. – 2. Aufl. – Berlin; Weimar: Aufbau, 2003. – 542 S.
7. Кант, Г. Рассказы и размышления / Г. Кант. – М.: Радуга, 1984. – 349 с.
8. Кант, Г. Остановка в пути: Роман / Г. Кант; пер. с немецкого И. Каринцевой, С. Шлатоберской; предисл. К. Симонова. – М.: Радуга, 1987. – 454 с.
9. Müller, H. Krieg ohne Schlacht. Leben in zwei Diktaturen / H. Müller. – Köln: Kiepernheuer & Witsch, 1994. – 504 S.
10. Фортунатова, В. И. Литература ГДР: между фантомом и реальностью / В. И. Фортунатова // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 320 с.
11. Постмодернизм. Энциклопедия; сост. А. А. Грицанов. – Минск: Интерпрессервис; Книжный дом, 2001. – 1040 с.
12. Rüdiger, M. Das Ideengefäß. Sachbuch / M. Rüdiger. – Innsbruck-Hohenems: Limbus, 2007. – 162 S.
13. Fries, Fr. R. Von der Einsamkeit des Langstreckenläufers, Hermann Kants Autobiographie / Fr. R. Fries // Neue Deutsche Literatur. – 39 Jahrgang. – Heft 11. – Berlin; Weimar: Aufbau, 1991. – S. 131–137.